

Евгений Агнин

Другая Музыка

*Тайна закрытых
миров*

Евгений Агнин
Другая Музыка

«Издательские решения»

Агнин Е.

Другая Музыка / Е. Агнин — «Издательские решения»,

Действие романа происходит в другом мире, попасть в который можно только преодолев опасности Лабиринта Сновидений. Это удастся путешественнику в мире осознанных сновидений. Он попадает в мир Другой музыки, секрет которой ему передает некое светящееся существо. Вместе с Деей, своей небесной парой, они строят необыкновенный мир...

© Агнин Е.

© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Лабиринт	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
глава 7	27
глава 8	29
глава 9	32
глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Другая Музыка
Тайна закрытых миров
Евгений Агнин

Уроки ночи усваивать нелегко.

© Евгений Агнин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Хорхе Луис Борхес
Книга сновидений

*Они принимают меня за сумасшедшего... Ох, как тяжело одному
знать истину!*

Федор Михайлович Достоевский
Сон смешного человека

Часть 1. Лабиринт

Глава 1

После того, что со мной произошло в октябре далекого уже 2012 года, в тихую, умиротворенную осень, когда последние листья еще краснели на черных ветвях деревьев, и не зазвучала еще бесконечная рага унылых дождей, я уже не смогу воспринимать этот мир таким, каким он казался мне прежде. А рад хотя бы тому, что смог сохранить сознание и ясный ум, не смотря на то, что пришлось пройти через вынужденное двухнедельное молчание, с последующим возвращением утраченных памятью названий всех окружающих вещей.

Мне показывали на один из уродливых предметов, назначение которых я даже приблизительно не мог вспомнить, и произносили его название несколько раз, например: тумбочка..., тумбочка..., это тумбочка... Или: вот – чайник..., чайник..., это – чайник... И так далее, пока чайник, тумбочка или какой-либо другой предмет не становился вновь понятным и привычным объектом реальности. Чайник переставал восприниматься как странное существо, обитатель царства фетиша, одушевленность которого мерещилась отчетливее, нежели специфика его утилитарности. Он больше не смотрел на меня своими выпученными глазами-заклепками, расположенными в местах присоединения ручки к корпусу, не щерил пасть под приоткрытой крышкой, не задира удивленно свой изогнутый нос с одной ноздрей, а воспринимался исключительно как функционально значимый предмет быта: емкость для кипячения воды. Тумбочка, вновь названная тумбочкой, тоже постепенно становилась более приемлемым предметом, чем то нелепое существо, никак словесно не определенное, и разевающее с отвратительным скрипом свою двустворчатую пасть, когда его потревожишь, пусть даже ненароком.

Что же касается лиц людей... Ужас, смятение душевное и рвотный рефлекс – вот что я испытал увидев первое человеческое лицо после моего возвращения. И не только внешний облик был отталкивающим, но и внутреннее содержание, встретивших меня существ показалось мне отталкивающим и не внушающим надежд на лучшее.

Те, кто встретили меня здесь, были в белых халатах, подчеркивающих чистым белым фоном уродливость и нелепость масок, которые называют человеческими лицами.

Они считают, что мысли зарождаются в сером веществе мозга. И там же, согласно их верованиям, вспыхивают мечты и фантазии. Поэтому, если чьи-то мысли не укладываются в принятые ими стандарты, то возможно их стереть, уничтожив часть серого вещества.

Поэтому-то они и попытались уничтожить часть моего мозга при помощи электрошока, как только я восстановил свои способности к общению и передал им часть информации, которую я приобрел там, за пределами нашей реальности.

Электрошок не сработал. Я позволил положить себя на особую кушетку, связать по рукам и ногам (фиксировать особыми пемнями) и подключить к моей голове специальные контакты. Будто бездушный монстр стиснул мою голову в висках металлическими клешнями. Но аппарат для уничтожения мозга дал сбой. Неправильные мысли так и остались при мне.

Вслед за электрошоком начали давать сбой и другие электроприборы. Электроника стала зависеть от меня. От моих мыслей, желаний и настроения.

Сначала никто не связывал электронные аномалии именно со мной. Но как-то раз, когда меня привели на беседу в комнату главного, был включен большой плазменный телевизор. В ожидании меня, на его большом плоском экране четверо в белых халатах смотрели репортаж о каких-то массовых волнениях, демонстрациях. Как только меня ввели, то один из них взял и отключил изображение при помощи дистанционного управления.

Но мне очень захотелось посмотреть этот репортаж. Именно этот. Я был вполне равнодушен к информации об этом мире. Слишком она казалась удручающе безнадежной. Я и без того находился в глубочайшей депрессии.

Но от этого репортажа пахнуло энергией и свежестью.

Я смотрел на экран не отрываясь. Мое тело словно окаменело.

Экран вдруг сам по себе вспыхнул и, после двух попыток, изображение проклюнулось. Звук тоже включился, и даже раньше, чем изображение. На экране бурно трепетала толпа людей на площади большого города. Люди скандировали лозунги, якобы связанные с приходом нового мессии. Будто бы правительство что-то скрывало от населения. Потом показывали шествия фанатиков в других городах. Случайно возникшие крупномасштабные пожары тоже показывали. И наводнения, разбушевавшиеся во многих местах земного шара, почему-то привязывались к этим событиям. Многие, совсем уже обезумевшие, проповедники и пророки арестовывались по всему миру. Но от этого волнения и беспорядки только усиливались.

Главный в белом халате взял пульт и нажал кнопку отключения телевизора. Но экран не погас. Разуверевшись в пульте, швырнул его на стол (только это хоть как-то выдавало его нервозность), и попытался отключить телевизор при помощи тумблера под экраном. Не помогло. Тогда кто-то выдернул сетевой шнур из розетки.

Однако, несмотря на все это, телевизор продолжал функционировать в обычном режиме. На экране бесновались фанатики под ударами полицейских дубинок.

Оказалось, что и у существ в белых халатах тела тоже могут окаменеть, а мыслительный процесс оказаться в ступоре.

Это с ними в те минуты и случилось.

Я досмотрел репортаж, и только тогда экран отключился. Сам по себе.

Меня заперли в специальную палату с решетками на окнах. Возникли подозрения, что я проецирую аномальную энергию и за мной решили понаблюдать в особом режиме.

Но наутро меня обнаружили спящим на кушетке в коридоре неподалеку от моей палаты. Замок оказался запертым. Хороший замок. Экспериментальный. Ключи от него были только у главного.

Белохалатники решили, что кто-то все же выкрал ключи, снял копию и положил на место. Замок сменили. Но в одно прекрасное утро меня нашли безмятежно спящим на скамейке в маленьком парке, принадлежащем учреждению. Замок вновь оказался запертым.

Приставили наблюдающего, который всю ночь не смыкал глаз и сидел в кресле качалке напротив моей кровати. Я спал безмятежно, на спине, как мне казалось, всю ночь не меняя позы. Даже дышал ровно, почти не слышно. Но охранник внизу, на вахте, очнулся от легкой дремы, завладевшей им в ночь полнолуния, потому что какая-то тень проследовала мимо него в парк через большую, обшитую железом, дубовую дверь главного входа. Он последовал за тенью и узнал в нарушителе режима пациента особой палаты, о котором ходили невероятные слухи среди персонала. То есть, он узнал меня.

По его словам, я некоторое время бродил по аллеям парка, хорошо освещенным полной луной (луна тоже ему показалась в эту ночь ненормальной, непривычно большой). Я шел как привидение, очень плавно, словно плыл. Фигура моя хорошо освещалась в свете луны. Даже очень хорошо. Охраннику даже показалось, что я светился изнутри. Вокруг меня образовался светящийся ореол.

Когда охранника спросили: была ли заперта входная дверь, то он сначала ответил: «да». Потом, вдруг сказал, что нет. Несколько раз менял показания. В конце концов, было решено, что он «затрудняется в ответе».

Его заподозрили в том, что он заснул на рабочем месте и взяли на заметку. В другое время, может быть, подвергли бы всестороннему обследованию, с опасностью последующего заключения в учреждение. Но сейчас было не до него.

Никто не знал, что делать со мной. Уже всем было понятно, что удержать меня в стенах учреждения невозможно. И белохалатники сменили тактику. Меня просто попросили пока остаться. До полной реабилитации. Процесс реабилитации предполагал восстановление моей памяти до такой степени, чтобы я смог изложить ту странную информацию, которую я в себе нес. Это было важно для науки.

Меня просили остаться во имя науки и от имени науки.

Но я понимал, что они просто хотят выиграть время. Их привычный мир словно сквозь пальцы утекал, и они наивно верили, что пока я здесь, рядом, еще что-то можно остановить.

Но я и не стремился никуда уходить. Мне не нужен был этот мир. Я хотел вернуться туда, где осталась большая часть меня, моей души. Но пока я совершенно не представлял себе как это можно осуществить. Поэтому я согласился пока оставаться в учреждении. Меня стали изучать, и фиксировать все данные, которые я доносил до них, по мере восстановления памяти.

Поначалу предположили, что я один из тех бродяг, что начисто лишены памяти, и нередко в последнее время обнаруживаются на заброшенных дорогах далеко от больших центров.

Но память постепенно возвращалась ко мне.

Я вспомнил, что я музыкант, и что мой главный инструмент – это контрабас.

Мне доставили контрабас. Я сначала ощупывал его руками, как слепой. Мне хотелось погладить его лакированные бока. Запах его вызвал во мне слезы и множество ассоциаций. Когда я стал извлекать первые мягкие звуки, то в душе, едва заметным огоньком в туманной дали, вспыхнул маяк надежды на то, что я все-таки когда-нибудь смогу вернуться к той, утраченной жизни.

Я сыграл несколько тактов импровизации. Это была первая попытка воспроизвести музыку, которая постоянно теперь звучит у меня в голове.

Теперь – после моего второго рождения.

Моя прошлая жизнь вспоминалась от фрагмента к фрагменту и выкладывалась в цельную картину – мозаичное панно, которое не требует последовательности при своем создании, а довольствуется произвольным выбором отдельных деталей. Контрабас потянул за собой другие воспоминания. Я многое вспомнил, в том числе и ее, ту, которую потерял безвозвратно.

Тот, другой мир, из которого неведомая сила выбросила меня, представлялся мне более явным, чем моя реальная жизнь здесь.

Мне хотелось вернуться туда.

Глава 2

Я стал видеть сны. Сначала это были вполне обыкновенные сны, состоящие из бессвязных фрагментов. Я видел себя, играющим на контрабасе на ответственном концерте, видел себя в детстве в лучезарных солнечных кругах на горной реке.

Но через какое-то время я стал попадать в странные, повторяющиеся сновидения. В них жизнь текла своим чередом, и параллельно привычной реальности. В одном из таких сновидений я был в составе группы путешественников, которые все дальше и дальше продвигались в неведомой горной местности вдоль бурной реки все дальше и дальше, в поисках какого-то «тайного входа».

В этом сновидении мне приходилось купаться в озере, уже слегка схваченном кромкой льда. Вода была невероятно чистой, сладкой на вкус, и не казалась холодной. Я с большим удовольствием нырял и в бурлящий поток горной реки, берега которой были уже покрыты снегом. Помню бодро-неутомимые красные языки пламени костра на привалах и тени больших, покрытых длинной шерстью, животных. Они, навьюченные провиантом и различными походными принадлежностями, медленно брели мерной поступью по заснеженным горным тропам навстречу ослепительному солнцу.

Когда я вновь возвращался в привычную реальность, то помнил только отдельные моменты из всего прибывания в этом повторяющемся сновидении. Вскоре и они стирались из памяти. Но когда я засыпал и вновь оказывался в том же сне, рядом с горной рекой и странными лохматыми животными, в густой шерсти которых можно было на морозе спрятать и отогреть кисти рук, то сразу вспоминал всю эту параллельную жизнь, как данность.

Я вспоминал кто я, куда и зачем направляюсь, и какие события предшествовали данному моменту. Память услужливо предоставляла все свои тайные, прежде сокрытые для доступа файлы.

Это была какая-то особая память, – память сновидения.

Когда я просыпался, она отключалась, призрачные фрагменты сна быстро таяли, включалась уже другая память.

Память реальной жизни.

Она быстро разматывала передо мной длинный свиток пережитого, и легко верилось, что жизнь идет непрерывным потоком.

Но в голове крутилась странная фраза, где-то неосторожно мною подцепленная:

«Сон это маленькая смерть».

Да, именно «маленькая смерть».

Меня все чаще посещала мысль, что жизнь моя существует только от момента пробуждения, до момента засыпания. В момент пробуждения я просто получаю готовую память о прошлых событиях, которые якобы имели место, а на самом деле были всего лишь иллюзией, заданными обстоятельствами для новой игры.

Еще одно повторяющееся сновидение, в которое я стал возвращаться все чаще и чаще, привело меня ко входу в какую-то иную реальность и, как мне кажется, реальность более высокого плана.

Меня там встретило некое невероятное, светящееся существо, которое и открыло для меня Другую музыку.

Я теперь как бациллоноситель, я заражен вирусом Другой музыки, и если бы мне удалось найти способы ее воссоздания, то мир мог бы очень сильно измениться, поверьте мне!

И еще я хочу вернуться обратно и восстановить утраченную часть души. Оставшаяся часть кровоточит и не знает радости.

Другая музыка поможет мне вернуться. Я верю в это, потому что, по большому счету, верить-то больше и не во что.

Белохалатники просят меня оставаться в их учреждении, для того, чтобы я дал им исчерпывающую информацию о Другой музыке. И я так и делаю, потому что не хочу идти в этот мир, для меня он как смерть. Я хочу вернуться туда, откуда «выпал» не по своей воле.

Почти каждый день я рассказываю им о том, что со мной произошло, и о том, что я узнал там, за пределами этого мира.

Вся тайна заключена в повторяющихся сновидениях.

Я начал с того, как я попал в одно из своих самых ярких повторяющихся сновидений. Именно с этого все и началось. В одном из своих пребываний в нем, я не смог вернуться обратно в привычную реальность, а провалился куда-то еще глубже и, в конце концов, обнаружил Вход.

Это повторяющееся сновидение, которое, без сомнения, является одной из моих параллельных жизней, я называю: «Испытательные полеты». Каждый раз, возвращаясь в этот сон, вернее в эту череду снов, я продолжал действовать так, будто просто возобновился прерванный ранее эпизод, и все продолжало идти своим чередом.

И в тот раз я, как и прежде, оказался в окружении привычных предметов и персонажей в узнаваемых обстоятельствах, и ощутил в себе те же жизненные силы, ту же волю и те же устремления, что и в прошлом, последнем пребывании здесь.

Не было необходимости что-либо специально вспоминать. Все уже было перед глазами готовенькое. Будто файлы памяти, хранящие данные того мира, воспроизвелись мгновенно. Голограмма образовалась легко и невесомо, как гигантский радужный мыльный пузырь, и я сразу же очутился внутри.

Я хорошо помню, по своим ощущениям, что «мир испытательных полетов» очень похож на наш. Только дневной свет не такой яркий. В нем мало прозрачности, мутновато в атмосфере, как в аквариуме с плохой подсветкой. Хотя очаги повышенной светимости и встречаются, но они не способны вызывать те радостные чувства, которые пробуждает в душе наше солнце.

В том повторяющемся сне я – испытатель неких летательных аппаратов. В нашем реальном мире таких нет, а там они воспринимаются как вполне обыденные.

Мне необходимо было проводить очередное испытание такого летательного аппарата, представляющего собой нечто похожее на капсулу размера невеликого, – рукой легко дотянуться до внутренней обшивки и справа, и слева, и над головой. Если говорить о ее форме, то она близка к сферической. Или немного эллипсоидная, как у дирижабля. И, скорее даже, она представляет собой гибрид этих двух форм.

Необходимо еще сказать, что в Сном мире предметный план не является застывшим и окончательно сформированным. Там, кроме времени и пространства, есть еще одно измерение, которое, на самом деле, является нашей волей, нашим духовным творческим усилием, способным воздействовать на тамошнюю материю и переформировывать всю окружающую предметность.

Эта сновиденческая материя (приходится так выразиться) может быть податливой и послушной, а может, напротив, вести себя весьма строптиво. Вы только начнете менять форму какого-нибудь предмета, глядь, а дальше он уже ведет себя как ему заблагорассудится и начинает приобретать самые смелые и немислимые формы.

Так же дело обстояло и внутри той самой капсулы, то есть того аппарата, который мне предстояло испытывать. Там была, кажется, панель приборов с показаниями параметров полета. На мне – комбинезон из невероятно комфортного и невесомого материала, который совершенно не ощущался и не доставлял неудобств при любых физических действиях. Я жи-

мал в руках некую перекладину, которая могла перемещаться вперед и назад по цилиндрической плоскости вращения, а так же двигаться вправо и влево благодаря какой-то сложнейшей шарнирной системе. Кроме того она могла выгибаться дугой и производить другие движения – очень сложные, комбинированные, какие только позволяет пластичность вашего воображения. Тем самым обеспечивалась полная свобода творчества и духовно-волевых усилий, которые способны влиять на изменения в окружающем пространстве.

Изменения эти, если их правильно контролировать, могут быть на пользу вашему существованию в Сномире, а если сил для такого контроля не будет, то изменения могут быть достаточно разрушительными и опасными.

Здесь не только все окружающее влияет на ваши действия, но и ваши действия, или даже просто сильное намерение и желание может преобразовывать все вокруг. Вот я – не столько своими действиями, сколько опять же духовно-волевым усилием – привожу двигатель своей испытательной капсулы в рабочее состояние.

Я сказал двигатель, хотя это слово из нашей явной, дневной жизни, и только отдаленно передает функции той силы, что приводит мой летательный аппарат в движение.

Эта сила не находится в каком-то конкретном месте, и не является двигателем в нашем обычном понимании.

У этой движущей силы есть вектор, который образуется, по крайней мере, из двух составляющих: моей личной духовно-творческой и некой внешней силы, которая тоже на каждом шагу проявляет свою одухотворенность и разумность. Похоже, что это какая-то разумная воля Сномира, который одухотворен, сам себя сотворяет и сам наблюдает за всем происходящим, одновременно с удовольствием участвуя в этой игре.

Перед взлетом я почувствовал какие-то бесплотные тени – за спиной и, по большей части, слева – тени тех, кто отправляет меня в испытательные полеты, контролирует весь процесс, встречает после приземления и оценивает результаты испытаний. Но я не помню этих существ, не помню ни лиц, ни голосов – не могу воссоздать их облик здесь, в жизни наяву. Отчетливо я вспоминаю их только там, и когда включается память сновидений, и вновь воссоздается прерванная на время линия сновиденческой жизни.

Однако сам взлет вызывает невероятно приятные ощущения. Дух захватывает, и восторг наполняет душу. Как обычно, мой испытательный чудо-аппарат легко оторвался от поверхности, и бесшумно и плавно полетел с приличной скоростью на высоте метров двадцати или немного больше.

Усилием воли я попытался подняться выше, но это мне не удалось. Тогда я приложил еще больше усилий, но капсула будто застряла на этой небольшой высоте. Мало того, чем больше я затрачивал духовных ресурсов, чем больше напрягал волю, тем меньше аппарат меня слушался. Капсула даже начала постепенно снижаться и утрачивать скорость. Меня это вовсе не устраивало. Я уже начал было наслаждаться видами, предстающими взору в иллюминаторе, расположенном прямо у меня под ногами. Иллюминатор этот был овальной формы – не меньше метра по длинной стороне – закрыт каким-то прозрачным пластиком, очень прочным, но настолько прозрачным, что его присутствие обозначалось только если на него наступишь ногой. (Впрочем о прочности материалов, из которых созданы предметы в сномире стоило бы и отдельно поговорить, поскольку и с ними все тоже не так просто и однозначно. Их свойства склонны неожиданно и кардинально меняться, в зависимости от ситуации и от наших, подчас, неосторожных творческих духовно-волевых порывов. Тот же «напольный» иллюминатор как-то сыграл со мной подлую шутку: взял да и растворился прямо у меня под ногами, в результате чего я оказался в состоянии свободного парения на огромной высоте, но это другая история и, может быть, я о ней еще расскажу подробнее при удобном случае.)

Я смотрел в этот иллюминатор и видел внизу заболоченную местность. Так же, было много озер, большинство из которых имели вытянутую форму и густо заросшие берега. Чем

заросшие? Как будто камышом, но если внимательно приглядеться, то это были какие-то другие растения, похожие на камыши, но серо-сине-зеленого цвета с пушистыми голубоватыми макушками, образованными длинными тонкими полупрозрачными усиками, которые плавно шевелились. Между этими живыми макушками «камышей» летали огромные насекомые, напоминающие наших стрекоз, с блестящими узкими крыльями, количеством по шесть штук на каждую сторону.

Ровная поверхность продолговатых озер сияла мягким неоновым светом. Но как бы ни была интересной эта местность, приземляться здесь не было моей целью, – необходимо было продолжать полет дальше. Капсула летела уже метрах в пяти над поверхностью озера, и я мог различать на дне его шевелящиеся водоросли и, медленно плавающие, какие-то непомерно длинные змееподобные рыбины с сверкающими в редких, более освещенных лучами света участках, своими флуоресцентными гребнями, расположенными на спине. Вот, прямо перед моими глазами, над самой поверхностью воды, с мерзким треском и визгливым стрекотанием, прокатился клубок сцепившихся стрекоз.

Это уже был дурной знак. Я, в мгновенном озарении, вдруг осознал, что нужно расслабиться и довериться ситуации, просто отменив предыдущие действия как неэффективные. Это возымело успех, и капсула быстро стала набирать высоту, одновременно прибавляя в скорости.

Глава 3

Здесь, на большой высоте, Сномир предстал во всем своем величии.

Капсула высоко вознеслась в небесное пространство, и продолжала перемещаться среди других объектов, заполняющих сновиденческий небесный купол. Среди этих объектов наблюдались и некие воздушные образования, напоминающие наши облака. Они были разнообразны, насколько это позволяет воображение, и податливы к изменениям. Возможно это были сгустки особой энергии, обладающей разумом. Об этом говорила непредсказуемость их поведения. Они тоже, как и все объекты Сномира, способны реагировать на ваши духовно-волевые усилия.

Само «воздушное пространство» здесь тоже неоднородно. Встречаются провалы, напоминающие водопады, в которые любой мирно парящий объект может внезапно сорваться, «провалиться», как в раскрытый колодец, и лететь навстречу бездне, пока не изменится структура пространства.

Есть зоны, где происходит сильное искривление и спиральное закручивание.

Не все ладно здесь и с такими привычными ориентирами, как «верх» и «низ». Можно лететь вверх, и вдруг угодить на какой-нибудь островок плоской тверди, затем опять внезапно провалиться и лететь вниз, но в тоже время приближаясь к облакам.

Но наиболее интересны здесь разного рода светящиеся образования. Я раза четыре – насколько я могу вспомнить – встречал два огромных, медленно вращающихся спрутообразных объекта, которые светились равномерно пульсирующим и гипнотизирующим светом. Объекты находились на довольно большом расстоянии, но было уловимо, что где-то в их глубине завораживающе звучит некий низкоутробный хор потусторонних голосов.

И только один раз я видел, а скорее ощущал за спиной, прорвавшийся сквозь многослойную пелену сизых облаков, столб ослепительно белого света, не солнечного, как у нас, который, распадаясь спектрально, создает многоцветный мир, а того, другого света, что сотворяет мир иной, с неизвестной цветовой гаммой, которую запомнить невозможно, и другой музыкой, всевластной и непостижимой.

Мой летательный аппарат безмятежно и легко парил под куполом небес Сномира. Открывались невероятные виды и наполняли душу исчерпывающим чувством божественной свободы. Внизу сверкали зеркальными бликами озера, а сверху вспыхивали неоновым светом разнообразные цветные туманности.

Все объекты были далеки, но в то же время парадоксально близки – стоит протянуть руку и любой из них может приблизиться настолько, что можно во всех деталях наблюдать его причудливые структурные волокна. И каждая мельчайшая субстанция этого волокна была способна, при желании, вдруг увеличиться, и поглотить все и вся, превратившись в новую мирообразующую голограмму.

Я увидел в нижний иллюминатор, что мой испытательный полет проходит уже над морскими просторами. Темная, тяжелая и вязкая стихия этих странных вод потустороннего мира несомненно обладала глобальной волей и могла запросто притянуть и поглотить мой легковесный летательный аппарат. Я сказал сам себе: лишь бы *она* меня не заметило! Но любопытство оказалось сильнее здравого смысла, – стоило на несколько мгновений сфокусировать внимание на непредсказуемо вздымающихся то там, то сям волнах, создающих пенные водовороты и различные, самой немислимой конфигурации, турбулентные зоны волнения водной поверхности, как ненасытная темная морская пучина стала притягивать меня вместе с моей жалкой летательной посудиною.

Я уже не мог оторвать глаз от гипнотических бликов света на взволнованной поверхности воды, которая притягивала внимание как черная дыра. Жадная бездна смотрела на меня при-

стально и бесчеловечно. Энергия этого всепоглощающего внимания значительно придавала ускорение моему движению вниз, а все мои волевые усилия, направленные на предотвращение падения капсулы, приводили к прямо противоположному результату. Водная поверхность становилась все ближе, холод мелких брызг стал явно ощущаться, беспрепятственно проникая внутрь капсулы, и все больше сковывая волю. В последний момент я успел взять себя в руки и расслабиться, отдавшись на милость судьбе, и при первом же ударе о пенный гребень внезапно вздыбившейся мощной волны, капсула исчезла, дематериализовалась, словно ее и не было. Я продолжал лететь самостоятельно, а вернее свободно парить подобно птице, будто так и должно быть, на небольшой высоте – метров пять всего над волнами. Я уже думал только о том, как бы мне подняться чуть повыше на более безопасное расстояние. И это мне, в какой-то мере, удалось.

Однако внимание мое было уже слишком захвачено бездной, чтобы позволить сохранить силы для возвращения в свободную и безопасную воздушную стихию.

Поверхность моря в мире снов не похожа на морскую поверхность в мире явном и нам привычном. Здесь за каждой волной могут происходить изменения чувствительные настолько, чтобы ошеломить, загипнотизировать, и лишить объект самостоятельной творческой воли.

Я снижался неотвратно и почти обреченно. Но чувства удивления и восхищения происходящими открытиями, в близком общении с мощной водной стихией, до последнего мгновения пересиливали страх.

Океан был беспокоен. Он будто пристально наблюдал за мной, и не скрывал своего раздражения, вызванного моим беспечным и нежелательным присутствием. На расстоянии около ста метров от меня образовалась довольно высокая волна неприятных серо-коричневых оттенков, и фронтом большой протяженности пошла прямо на меня. А я висел в воздухе на высоте уже не более трех метров. Волна же, по моим предположениям, достигала семи, а может и более десяти метров в высоту.

Я смотрел как завороченный на надвигающийся злобный вал, забыв о необходимости мобилизовать волю и попытаться подняться повыше, чтобы предотвратить ужасное столкновение. А стена волны неотвратно приближалась, и я мог разглядеть в водной толще какие-то светящиеся вены. Наконец сработал инстинкт самосохранения и моя воля включилась. Но вместо того чтобы взмыть ввысь подобно чайке, ухватившей добычу, я вдруг полетел навстречу надвигающейся волне.

Я ждал неминуемого столкновения с водной стеной, как вдруг произошло нарушение плавности и непрерывности течения времени – в сном мире явление это вполне обыденное. Я завис в воздухе перед волной, которая как будто замерла на месте, и получил возможность внимательно рассмотреть все, что открывается взору.

Водная стена имела цвет от темнофиолетового и коричневого в глубине, до желтовато-охристого на просветах, образуемых внезапным вторжением случайных лучей света. Изнутри «вода» вся пронизана светящимися сосудами словно живая плоть. Будто разумная биомасса.

Я простираю руку вперед, и она погружается в водную плоть до локтевого сустава. И, не успев проанализировать возникшие ощущения, вынужден инстинктивным движением вернуть ее обратно: из глубины приближались какие-то белые пятна. Я пригляделся, – несомненно это были живые существа.

Они двигались как будто за мутным стеклом. У этих существ были головы не то рыб, не то неких человекоподобных с лицами-масками бледновато-желтого цвета. Вот они приблизились почти вплотную и стали глазеть на меня, словно из за стеклянной стенки аквариума, своими разумными, почти человеческими, но выпученными, как у кальмаров глазами. Это были, по видимому, разумные существа, но настолько *иные*, настолько безнадежно отличающиеся от нас, с таким пронизывающим взглядом, который гипнотизировал и приковывал внимание

несмотря на отвращение и трепет, который он вызывал, что приходилось сильно сомневаться в их дружелюбности.

Отпрянув в содрогании от водной стены кишасей монстрами, я сделал усилие, чтобы подняться над волной. Но созданный мною импульс вопреки моей воли бросил меня навстречу волне. Расстояние до фронта волны вновь незаметно увеличилось. Сномир не терпит предсказуемости. И признает только за собой право импровизировать в непрекращающемся ни на минуту создании реальности. Следующий фрагмент этой реальности, подвластный контролю моего внимания, был уже другой. Как будто несколько кадров стерлось, исчезло на событийном трэке. Волна была вроде бы все та же, но в тоже время другая. И цвет ее и размеры изменились. Я плавно опускался по нисходящей спиральной траектории к основанию волны, и через несколько мгновений врезался на довольно большой скорости в пенный водоворот.

Какое-то время я летел по инерции через объем прозрачной «воды», все еще содрагаясь от мысли о возможности столкновения с кальмароглазыми существами.

Глава 4

Я плыл под «водой» с открытыми глазами, и феерическое зрелище было предоставлено мне. Все пространство вокруг, если так можно сказать о водной среде, было наполнено разного размера разноцветными пузырями, от самых мелких до большущих, которые, казалось, могли и человека легко заключить в свою радужную оболочку. Их цвет постоянно и, с калейдоскопической быстротой, менялся, и такого богатства оттенков и буйства красок я прежде не встречал ни наяву и ни в каких чудесных скитаниях в Сномире.

Необходимо несколько слов сказать и о том, какие цвета существуют в Сномире. Так вот, вода в тамошнем океане мне казалась коричневатой с примесью серых и зеленоватых оттенков, а иногда и разных других, вплоть до фиолетового. Но те ли это цвета, что и у нас? Скорее, только через сложную систему ассоциаций, благодаря схожим впечатлениям, возникающем при цветовосприятии, наш серый или коричневый становится похожим на серый и, соответственно, на коричневый цвет сномира. Наши цвета рождаются, как известно, в результате дисперсии солнечного «белого» луча. Но в сномире нет солнца! Соответственно нет и белого солнечного луча, содержащего привычные нам семь цветов радуги. Зато есть там какой-то другой, *тот свет*. Он тоже может раскладываться, как и солнечный, и образовывать сложную цветовую гамму сномира. Я не знаю какие там цвета, сколько их и как они называются, я только могу смутно вспомнить их по аналогии с нашими. Приходится быть переводчиком с какого-то непостижимого космического языка. И впредь я вынужден определять цвета Сномира привычными нам названиями, теми самыми, которыми именуются цвета в нашем мире.

Но чудеса не ограничились цветовыми эффектами, – все представление сопровождалось еще и звуками, не менее удивительными и фантастичными. Дело в том, что пузыри, окружившие меня, кроме того, что вращались, меняя цвета и поражая воображение богатством неземных оттенков, но также постоянно меняли свои размеры, а так же, лопаясь, исчезали, освобождая место новым, которые ни на мгновение не задерживали со своим появлением. И лопались эти великолепные объекты сномира очень музыкально. Каждое схлопывание вызывало к жизни очень приятный для слуха звук, насыщенный обертонами и тембровыми окрасками до немыслимых пределов. Эти звуки чем то походили на звуки нашего земного вибратона, но более густые, заполняющие собой все пространство вокруг. Как будто попадаешь внутрь звука. Впрочем, так выразиться было бы неправильно, ибо звук, привычный нашему уху, как известно, распространяется от источника волновым путем, в том числе и в водной среде. Мы всегда можем установить на слух направление, ведущее к источнику звука. Слева, справа, спереди, сзади. Здесь же все по другому. Трудно объяснить, как он распространяется в сномире. Одно только отчетливо вспоминается, что звук здесь сразу проникал во все тело, которое начинало резонировать с ним каждой клеточкой, вызывая весьма приятные впечатления. Каждый звук этого фантастического подводного вибратона кажется, имел свой определенный тон, но тон этот не был устойчивым. Звук скорее представлял собой сложный процесс изменений и тона и тембра и вибраций и предоставлял бог знает какую невероятно сложную игру обертонов. Трудно сказать, было ли что-то похожее на мелодию. Но через некоторое время становилось невозможным противиться этим звукам, – наступил транс, и я начал впадать в эйфорию. Благо все прекратилось внезапно, все пузыри мягко и почти мгновенно, один за одним, растаяли, а я, набирая скорость, «летел» сквозь водную массу будто живая торпеда, только свист внезапно возникшей тишины закладывал уши. Я уже предвосхищал, что вот-вот «пробью» противоположную стену волны и вырвусь на воздух, но этого все не происходило. Возникло неприятное подозрение, что я слишком ушел вглубь. Холодное оцепенение мгновенно охватило все тело, и я, теряя скорость движения вперед, неумолимо стал опускаться в темную фиолетово-коричневую бездну.

Я еще и не успел этого осознать, как заметил присутствие еще каких-то неведомых существ, которые плыли рядом, то приближаясь ко мне совсем близко, метров на пять и даже на три, то удаляясь на безопасное расстояние. Впрочем, я не знал, опасны они или нет, поскольку не удавалось их порядком разглядеть, – я скорее только ощущал их присутствие.

В сном мире кроме присущего человеку бокового зрения существует еще какое-то внутреннее зрение, уже не боковое, а, можно сказать, сферическое. В какой-нибудь напряженный момент оно может включаться, и никакой подозрительный объект уже в поле этого зрения не утаится. Однако, если внимание полностью перенести на такой объект, то может внезапно поменяться все. Может полностью поменяться весь ландшафт, вся эта чертова голограмма, и вообще все предлагаемые обстоятельства нашего прибывания в такой суперигре, коей является приключения в сном мире.

Но я забыл об этом спасительном варианте. Бездна полностью поглотила мое внимание и неотвязчивые существа меня уже не заботили. Ясное дело, они и не желали пропадать вместе со мной, и прощальной вереницей продиффелировали прямо перед носом. Один, последний, так плотно приблизился, что я успел разглядеть поверхность его тела, покрытое коричневой чешуей, его прозрачные перьеобразные плавники вдоль всей спины, и глазищи разного размера на голове, числом, может быть до восьми, как у пауков, и торчащих и дальше с боку на теле до самого хвоста. Приляпаны эти безобразные паучьи зенки были как попало, где по два рядом, где по три, где по одному, как получилось, в порыве несусветного уродства. И один из этих глаз все пялился и пялился на меня с невероятной злобой и удивлением, вызванным моим нежелательным присутствием в этой чужой водной обители. Он будто оторвался от своего змеинного тела и завис напротив моих глаз, и только когда чудище исчезло, на прощанье хлестнув меня своим тонким кончиком хвоста по плечу, растаял, словно беззвучно лопнул, так, что и следа не осталось.

А я оказался один на один с проклятой бездной. Становилось все темнее. Я плавно опускался вниз, как перышко в потоках воздуха, не то по спирали, не то, уподобляясь маятнику, – все вместе.

Обреченно, до эйфории.

Некоторое время еще попадались некие объекты. Какие-то малоразличимые глубоководные существа. Замерцали было вдалеке то-ли медузы светящиеся, то-ли скаты, но быстро исчезли. И вот настала полная тьма. Правда у этой тьмы все же был цвет. Какой-то глубоко черно-коричнево-зеленый. Оставалось еще и давление в ушах, даже едва слышное бульканье, вызванное вращением моего тела, медленно погружающегося в пучину.

Но видно существует еще что-то темнее тьмы. Я почувствовал приятную, но в тоже время, пугающую невесомость тела, отсутствие всяких ощущений. И кругом чернота. Но такая чернота, что не было и намека на какой-то цвет, ведь и у черного есть оттенки. Здесь очевидно отсутствовали уже всякие колебания светового луча, и та часть мозга, которая анализирует информацию о цвете и форме, умолкла, отключилась. Трудно передать это состояние души. Паника – это всегда истеричный поиск выхода. Здесь же была только обреченность полнейшая. Ко всему еще полностью исчезли звуки. Мысли в моем сознании стали исчезать. Я ничего не чувствовал, и размышлять становилось не о чем. Я быстро стал забывать все, что связано с моей жизнью. Тогда я действительно оценил весь смысл выражения: «я мыслю, значит я существую». «Только бы не перестать думать», – повторял я в отчаянии. Но вскоре забыл, зачем я это повторяю. Мысли умолкли. Черная бесконечность схлопнулась...

Не знаю, сколько прошло времени, но вдруг вновь зазвучал голос моей мысли: «Что это? Это свет! Свет!» Действительно, присутствовал свет. Поначалу было непонятно было, где его источник. Просто свет менял все вокруг. Моя душа содрогнулась от внутренних слез надежды. Все пространство вокруг было, хотя и смутно, но все же освещено. Я почувствовал свое тело и стал делать движения руками и ногами, позволяющие удерживать равновесие в воде, а кру-

гом была, по всей видимости, водная среда, или, подобная ей, биомасса Сномира. Однако, движение эти, хотя и вызвали радость обретения тела, привели к обратному эффекту, и равновесия удержать не удалось. Я перевернулся вниз головой и стал очень быстро двигаться к светящейся «туманности», которая, по мере приближения, становилась все ярче. Наконец, последние метры водной среды, густо наполненные светимостью, были преодолены, и я буквально «провалился» в светящуюся субстанцию.

Свет поглощал меня.

Это не был изнурительный свет электрического прожектора. Это был очень мягкий свет, он грел нежно и проникал сквозь все тело. Постепенно стала возникать беспричинная радость, проникающая во все клетки тела. Все ощущения слились в одно – эйфорию, в переживание самой умиротворяющей и незыблемой гармонии, какую только можно себе представить. Мысли стали исчезать, потому что переживать было больше не о чем.

Я лишился сознания.

Я не знаю сколько времени пробыл в таком состоянии.

Глава 5

Но в какой то момент времени свет вдруг начал слепить глаза. Это был очень яркий, резкий и неприятный свет. Я закрыл глаза ладонью и обнаружил, что веки закрыты. Закрыты, но не защищают от слепящего света. Я, не убирая ладонь от лица, открыл глаза. Прищурившись посмотрел в правый нижний угол и увидел там какие-то блестящие предметы на белой поверхности небольшого стола. Я убрал руку от лица и стал присматриваться к тому пространству, в котором я нахожусь. Надо мной на высоте около метра висел плоский диск – диаметром сантиметров сорок или пятьдесят – довольно мощной лампы дневного света, а я лежал на спине и был накрыт простыней. Странно, но свет от такой яркой лампы почему-то плохо распространялся на все помещение, и противоположная стена была от меня не более чем в четырех метрах, но почти полностью погруженная в сумрак, будто освещалась она убогой восковой свечей. Я разглядел, что стена эта каменная и даже не оштукатурена. Просматривалась какая-то грубая кладка не то из грубого кирпича, не то, вообще, из вытесанных небольших каменных блоков, размером близким к размерам кирпича. Поверхность была очень неровной, и кое-где зияли дыры. Чем дальше я присматривался, тем зрение становилось острее. Вот различимы стали какие-то картины висящие на стене. Нет это, кажется, вовсе и не картины. Это какие-то рельефы, помещенные под стекло. Стекло какое-то грязноватое, засиженное мухами. Сквозь стекло я разглядел один такой рельеф, вернее то, что я принял за рельеф. Это была огромная бабочка серого цвета с черными узорами на крыльях. Под другим стеклом я различил какое то большое насекомое, напоминающее паука птицеда. Какой-то странный энтомолог-любитель поразвесил здесь экспонаты своей коллекции. Другие барельефы я так и не смог разглядеть, и оставил их изучение на потом. Я посмотрел на свои руки: они имели изможденный вид и цвет бледно-охристый. Я был одет в халат серого цвета в черную полоску. «Как та бабочка».

Я попытался встать, но обнаружил, что нахожусь под капельницей. В моем воображении еще не растаяли образы Сномира испытательных полетов. Так это был просто сон! Я почувствовал облегчение. Слава богу, исчез этот ужасный, подавляющий воображение и волю простого смертного океан, и можно будет дальше жить нормальной человеческой жизнью. Хотя, с другой стороны, было жаль растаться с чувством свободного полета, которое было основным ощущением в мире, где я был испытателем летательных капсул.

Но как же я оказался здесь, в этой захолустной больнице? Память почему то не разворачивала передо мной услужливо, как всегда это бывает после сна, длинный свиток пергамента, с запечатленными на нем всеми эпизодами моей предыдущей жизненной истории. Я ничего не помнил. Может быть я потерял сознание в результате несчастного случая? Это что, реанимационная? Я стал рассматривать предметы, которые лежали на столе. Несомненно, там были шприцы и какая-то металлическая коробочка, бликующая в свете лампы. Так же здесь были разного размера бутылочки, бинты и какие-то странные инструменты. Хирургические? Зачем они здесь?... Рядом со столиком стоял стул. Но довольно странный. Это был деревянный венский стул, но находящийся в плачевном состоянии: весь облезлый, давно утративший свой первоначальный цвет, растрескавшийся и в нескольких местах перемотанный черной изолентой. На сиденье лежала стопка книг и журналов, нещадно пожелтевших и покрытых плесенью, а между двумя задними ножками висела старая паутина, облепленная пылью, и содержащая в себе иссохших мух и других насекомых.

Запахи тоже здесь присутствовали. Это были запахи лекарств, перемешанные с затхлостью.

Однако я почему-то не придавал всем этим странным подробностям окружающей среды особого значения, видно нервная система была подавлена какими-нибудь сильными лекарствами, которые в меня вкололи, пока я валялся без сознания. Я просто созерцал. Потолок

был высоким, но и здесь не видно было следов недавнего ремонта. Он был просто побелен, этот потолок, и, по всей видимости, очень давно. Ясно различались в полумраке трещины. Много трещин. А в некоторых местах отвалилась известка и образовались налеты плесени. В центре потолка находился плафон с каким-то барельефным изображением. Кажется, голова льва. Невозможно пока было рассмотреть. Из пасти льва – если это был лев – торчал железный крюк, предназначенный, видимо, для люстры, и тоже весь обмотанный паутиной.

Я посмотрел на дверь. Дверь металлическая, с засовами, замками и глазком для наблюдения. За этим глазком сразу же мелькнула тень. За дверью происходило движение. Заскрипел замок. Что-то застучало, щелкнуло, и дверь, повидимому очень тяжелая, как в бункере, стала с железным скрежетом открываться.

Что-то мне подсказывало, что нужно претвориться спящим, или еще не пришедшим в сознание, и незаметно понаблюдать за происходящим. Хотя не очень мне все это нравилось, но так я и сделал. Я лежал на спине с закрытыми глазами, свет бил в лицо, а руки лежали вдоль туловища. Все внимание сосредоточилось на звуках, доносящихся со стороны двери. Дверь перестала скрипеть. Послышались шаркающие шаги. Один, два, три, четыре и – тишина. Кто-то вошел в комнату, остановился посередине и смотрел на меня. «Хочет понять, в сознании я или нет». Мое сердце сильно забилося. Не то что бы я испугался, я и не думал об этом. Просто сердце забилося очень громко, так, что я опасался, что вошедший в комнату услышит этот оглушительный стук, догадается о моем волнении и поймет мою уловку. Я пытался успокоиться. Ноги стали неметь и тяжелеть. Вслед за ними и руки. Свет лампы согревал все тело. Мне вдруг стало очень хорошо. Но это только мелькнуло в мыслях. Одновременно с теплом, как это не странно, телом моим стал овладевать ледянящий озноб. Вся спина одеревенела и на ладонях появился пот. Я вдруг подумал – и эта глупая мысль, не имеющая никакого отношения к реальности, тоже почти мгновенно пронеслась у меня в голове – подумал, а что было бы, если бы мертвеца положили под ультрафиолетовую лампу? Покрылась бы его кожа пленкой загара? Ведь многие физиологические процессы не прекращаются и после смерти. Например, волосы могут продолжать расти и ногти. Клетки живут своей жизнью. Это просто самостоятельная жизнь клеток и больше ничего... Их жизнь могла бы теоретически, продолжаться намного больше, чем жизнь человеческая. Десятки, сотни лет... Я где-то читал об этом...

Все это подобно разветвляющейся молнии пронеслось у меня в голове. А тот, вошедший, затаил дыхание и притих так, что я уже усомнился, есть ли тут кто-то, или мне померещилось. Влияние лекарств, галлюцинации. Но вдруг послышалось хриплое дыхание и затем монотонное покашливание. Это существо убедилось, что я без чувств, и на его присутствие не реагирую. Послышался тяжелый звук металлического предмета, который легким коротким ударом поставили на бетонный пол. Судя по звуку это было металлическое ведро. Изрядная порция воды выплеснулась на пол. Да, это было ведро с водой. Так, понятно. А вот вода полилась сверху струей в ведро. Это было очень отчетливо слышно, как ручей в горах. Тряпку отжимает. И звуки швабры, елозящие по бетонному полу, затем долго изводили мои перенапряженные нервы. Существо несколько раз останавливалось, хрипло и тяжело дышало, кашляло, отжимало тряпку и вновь продолжало елозить шваброй. Казалось, что звуки эти, становясь все громче и громче, проникали в мозг и звучали уже прямо в моем воображении. Но попытка все же закончилась. После некоторой паузы послышались шаги и существо прошаркало вплоть до кушетки, на которой я лежал. Я чувствовал как оно стояло и молча смотрело на меня минуты две – три, продолжая хрипло и тяжело дышать, иногда переходя на сиплое посвистывание. Как назло, больше никаких звуков ни здесь в комнате, ни за ее стенами. Полнейшая тишина, как в склепе.

Существо стало ощупывать капельницу. Капельница находилась с противоположной стороны кушетки, прямо у стены, и существо потянулось через кушетку, слегка навалившись на меня. Затем, отпрянув в исходную позицию, вновь замерло на минутку, и – о ужас! – стало

ощупывать мое лицо руками! Пальцы были грубые, шершавые и, что совершенно невыносимо, еще влажные после тряпки для мытья пола. Они отвратительно пахли гнилостью. Но я не реагировал никаким образом, словно окаменел. С самого начала я намеревался открыть глаза и покончить это дело. Я решился посмотреть на это существо, и дать понять, что я пришел в себя. Но чем больше я хотел это сделать, тем сильнее каменело мое тело, и все более назревал какой-то подспудный страх. Потом я понял, что это было предчувствие всех тех ужасов, которые мне предстояло пережить уже в скором времени.

Наконец, мерзкие пальцы оторвались от моего лица, и шаркающие шаги зазвучали, удаляясь. Я открыл глаза и увидел существо в сером халате, небольшого роста и обращенное ко мне спиной. На голове его была маленькая серая шапочка – колпак, из под которого спускались жидкие пряди седых волос.

«Эй, постойте!» – произнес я с большим трудом, ибо язык меня почти не слушался. Мне даже показалось, что произнес я это внутренним голосом. Но существо услышало и замерло на месте, как чучело. И повернуло голову ко мне.

Это была старуха с морщинистым лицом. На меня смотрели колючие, скорпионьи глаза. Подвальным холодом повеяло от этого взгляда. Она молча уставилась на меня, ничего не боясь и не стесняясь, как крыса в своих угодьях, и могла бы, наверное, бесконечно меня сканировать, как обреченного на вивисекцию. Не выдержав паузы, я прервал эту сомнабулическую мизансцену своим слабым и безвольным голосом: " Мне бы... врача..." Старуха отключила, наконец, свой сканер – отвела взгляд, зашаркала к выходу и растворилась в темноте коридора. Стала медленно и с невыносимым скрежетом закрывать дверь.

«Придут за тобой!» – прохрипел ее мерзкий голос из темноты, и дверь захлопнулась.

Силы внезапно возвратились ко мне. Я не рассуждал долго; пришло единственно возможное решение: уходить отсюда. Бежать. Пробраться как-нибудь незаметно на волю.

Глава 6

Я освободился прежде всего от капельницы. Она оказалась пуста. Не было никакой глюкозы. Вообще ничего хорошего не было. И это уже не объяснить искажением восприятия, произошедшего в результате употребления тяжелых лекарств, – на дне сосуда капельницы оставалось еще немного густой желтоватой жидкости, в которой плавали дохлые мухи и тараканы. Но вместо шока – отрешенность. Эта отрешенность восприятия всего здесь происходящего с этого момента стала у меня только возрастать.

«Интересно, – стал я рассуждать по возможности хладнокровно, – целы ли руки да ноги, а еще важнее, позвоночник?» Я осторожно попытался встать с кушетки и это получилось без всяких проблем. Интересно, что я совсем не помню, было ли у меня что-нибудь на ногах или нет. А если мои ноги были босыми, то почему я ничего не почувствовал, особенно когда шел по влажному еще бетонному полу этой странной палаты? Тем не менее я, прежде чем покинуть ее, сначала подошел к стене, что была слева от меня – а я был лицом к двери, когда встал с кушетки на ноги – для того, чтобы ближе рассмотреть содержимое стеллажа, который давно уже привлекал мое внимание.

Я подошел ближе. Металлические полки были завалены всяким хламом. Различались старые папки, набитые бумагами, стеклянные колбы допотопного вида, и грязные невероятно. Еще присутствовали какие-то непонятные предметы, или приборы, медицинские наверное, но я таких никогда не видел. Стояли несколько объемистых томов старых потрепанных книг, покрытые паутиной и слоем пыли. На корешке одной толстой книги просматривалось название: «Патологическая анатомия». На другом: «Ветхий завет». На третьем шрифтом, напоминающим санскрит, было вытесненно странное название: «Аттракцион Сикки». Именно это название так сильно привлекло мое внимание, что я, поборов отвращение, осторожно взял увесистый том в руки. На кожанной обложке было вытеснено изображение такое же, что и на плафоне на потолке. Только это был не лев. Это было лицо странного существа с невероятно пронзительным взглядом человеческих миндалевидных глаз. Вместо волос и бороды голову обрамляли языки пламени. Наверно это было божество из какого-нибудь забытого древнего культа. Его изображения я никогда и нигде раньше не встречал.

Я открыл книгу на первой странице и тотчас неизвестные мелкие насекомые, слегка вытянутые, как капли черной ртути брызнули в разные стороны. В порыве отвращения я бросил книгу на пол, и уже хотел направиться к двери, как нечто интересное привлекло мое внимание к одной из полок стеллажа. Я пригляделся, – вот и человеческий череп (как же без него?), потемневший до грязно-коричневого цвета. Местный анестезиолог был, как видно, коллекционером не без странностей. Рядом с черепом стояла банка с мутной жидкостью литра на три. В банке, конечно же, – заспиртованный уродец; очертания его трудно было разглядеть. Затем еще один в банке, затем еще. А вот баночка побольше. В ней целая голова тоже, видимо, урода какого-нибудь. Эта банка располагалась на полке прямо напротив моего лица. Я остановился, не мог дальше идти, совсем оцепенел, а мой взгляд уперся в глаза этой заспиртованной головы, которые были открыты и, казалось, смотрели на меня совершенно осмысленно. Проклятые транквилизаторы, или как их там! Видно под их остаточном воздействии мне мерещилось, что веки этой головы медленно закрылись, а потом опять открылись! Я вовсе даже и не содрогнулся внутренне, глядя на все это, я был словно под гипнозом, а хладнокровность, напротив, возростала. Я понимал, что наверное включились какие-то скрытые внутренние ресурсы нервной системы. А взгляд головы-экспоната смотрел на меня так, будто намерен был удерживать любой ценой мое внимание. Будто для меня предназначалась жизненно важная информация. Да, жизненно важная... какая же она может быть еще? Смертно важная... И эта безумная фраза: «смертно важная информация» так и привязалась ко мне. Я оставил голову как

есть и направился к двери, все повторяя как зомби: «смертно важная информация...» Больше не было никаких мыслей в голове.

В длинном коридоре было темно, но вдали слабо маячил свет. Наверное там располагалось окно. Я пошел в этом направлении. Под ногами были доски и они адски скрипели. Очертания оконного проема в конце коридора становились отчетливее. Призрачный свет струился словно дым. На душе становилось спокойнее, и способность здраво рассуждать постепенно возвращалась ко мне.

«Что за странная клиника? Насколько нужно быть проклятым богом и людьми, чтобы здесь оказаться? Где меня нашли, на какой свалке? Если бы я не был в бессознательном состоянии, и лишен способности к сопротивлению, то вряд ли согласился быть доставленным в эту клоаку. И что же все таки произошло со мной? Неужели полет на испытательной капсуле был вовсе не сон, и я просто потерпел крушение? Может быть капсула упала в море, и я пошел ко дну, но меня выловили, и вернули к жизни?»

Как хорошо было летать в испытательной капсуле, и парить в свободном полете над морскими волнами! Я не хотел, чтобы это был сон. Я ведь помнил целую жизнь, помнил длинную вереницу эпизодов этой своей прекрасной жизни пилота – испытателя летающих капсул. Я помнил, как я много раз летал, много раз удачно приземлялся. Без особого труда я мог воспроизвести картины того сказочного и счастливого «мира испытательных полетов», завораживающие своей красотой ландшафты, небесные выси и подводные чудеса. Все это вспоминалось мне невероятно красивым, несмотря на то, что Сномир не был богат цветовыми оттенками, основной тон в нем был приближен больше к серым тонам. Но фантастические свечения в атмосфере и в воде компенсировали этот недостаток с лихвой. Здесь же, в этой мерзкой клинике, после пробуждения и возвращения в сознание, я ничего не могу вспомнить о своей прошлой жизни. Но лучше сейчас не думать об этом. Лучше все таки найти врача и забыть об этой крысе-уборщице. «И все будет хорошо. Все будет очень даже хорошо.»

Я осторожно продвигался вперед, и вдруг послышались голоса. Зашелестели, будто в руках оберточная бумага, и эхом прокатились по всему коридору. Я замер на месте, как палочник, как богомол, почуявший опасность. Метрах в трех впереди приоткрылась дверь, видимо кто-то собирался выйти в коридор, но задержался на пороге. Голоса что-то обсуждали. Отчетливо донеслось что-то вроде: «надо определиться с ним... надо заняться вплотную... материал подходящий...»

Шелест голосов был невыносимо мерзкий. А говорили, конечно же, обо мне, я в этом не сомневался. Я стал пятиться назад, раздумывая, что предпринять. Не хотелось мне почему-то встречаться ни с кем из персонала. Глаза стали привыкать к темноте, и я разглядел справа очертания какой-то двери. Осторожно, стараясь не производить и малейшего шума, приблизился к этой двери, взялся за ручку, допотопную какую-то, в виде металлической скобы, покрытой остатками старой краски, потрескавшейся от времени и вздыбившейся, словно перья вороны на морозе. Потянул за эту ручку, дверь и открылась. За дверью оказался лестничный марш и я стал спускаться по лестнице вниз, стараясь не держаться за перила. Спускался долго, пока лестница не кончилась. Дверь внизу была заперта и выйти на свет божий мне не удалось. Тогда я решил подняться на этаж выше и искать другую лестницу, которая могла привести к выходу. Этажом выше тоже было темно.

Я крался по коридору яко тать в ночи. Впереди замаячила тень. Кто-то двигался мне навстречу почти без звука. Я прижался к стене и почти слился с ней, стал рельефом. Мимо неслышимо и почти невесомо, словно призрак, проследовал похоже что санитар, потому что был он в сером халате и сером колпаке. Лица его я не успел разглядеть. Перед собой он катил кушетку на колесиках, на которой кто-то лежал, с головой накрытый простыней.

Санитар не заметил меня, был как сомнабула, и его почему-то не волновало отсутствие освещения. Когда призрак растаял во мраке коридора, я двинулся дальше на поиски выхода. Слабая полоска света на полу обозначила дверь. Я осторожно приоткрыл эту дверь и заглянул внутрь. Это было довольно просторное помещение, освещенное очень слабо. Просматривались какие-то лежанки, не то кушетки, не то кровати, на которых находились люди. Эти койкоместа располагались в несколько рядов и уходили далеко, до самой противоположной стены, где освещения вообще никакого не было, и все утонуло во мгле.

Однако большой черный проем в стене все же просматривался. Я решил пересечь это помещение, чем-то похожее на зал ожидания, наверное потому, что потолок был очень высоким. Я шел мимо двух рядов с лежанками. Не все пассажиры мрачного «транзитного зала» лежали на своих кушетках ничком, то ли спали, то ли находились в забытьи. Некоторые сидели, закутавшись в убогие одеяла тусклых тонов. Один из них, в левом ряду, молодой еще парень, но с изможденным лицом наркомана последней стадии, накинув одеяло на голову, сидел на своей лежанке, подбрав ноги под себя, раскачивался монотонно вперед-назад, и безучастно смотрел на меня. Под глазами зияли черные круги. Он что-то еще нашептывал серыми иссохшими губами. Далее лежала старушка под капельницей и смотрела в потолок, вернее в безбрежное темное пространство над головой, будто видела там, в вышине, медленно парящих птиц божьих. На лице у нее было написано, что лежит она здесь так давно, что не только никто уже не ждет, но она даже и не помнит, кого и ждать. Капельница у нее тоже была липовая, как и уменя в реанимационной, и являла собой, как и большинство предметов здесь, часть бессмысленного антуража, элемент декорации, которая обычно бывает лишней на сцене. На следующей лежанке сидело существо женского пола, девушка молодая совсем, но с идиотским лицом. Она держала на руках, запеленутого прямо с головой в какую-то серую тряпку ребенка и заискивающе, с бессмысленной улыбкой, смотрела на меня. Мой же взгляд был прикован к ребенку на руках. Разве он там еще не задохнулся? А если и так, то насколько давно? А безумная мамаша так и заглядывала мне в лицо, пока я не ушел на безопасное расстояние.

Кого здесь только не было! Был и священник, который сидел в рясе и вязал на спицах, не смотря на полную темень. На меня посмотрел очень осмысленно и даже понимающе. Но ничего мне не сказал, будто был уверен, что я и сам все понимаю, и пришел занять здесь свое место. Были двое раненых прямо с передовой, которые сидели на одной лежанке, перебинтованные серыми бинтами, засохшими от времени и хлебали какую-то похлебку из одного котелка. Я присмотрелся и обнаружил, что нет никакой похлебки, а ко рту они подносят пустые ложки. Движения их рук были медленные, однообразные и, видимо, нескончаемы. Были и взрослые и дети и старики. Многих я не мог разглядеть, поскольку они лежали с головой накрывшись одеялами. Не понятно было, все ли из них живы.

Я не думал, что так долго придется идти. Противоположная стена все не приближалась. Надо попробовать бежать, – подумал я. Попробовал. Ноги почему-то не слушались. Получалось как-то медленно. Но черный проем в стене будто бы сам собой плавно летел мне навстречу.

Хотя бы здесь повезло: за этим проходом, который был длиной метров десять, находился лестничный пролет и я стал спускаться вниз. По пути встречались открытые двери, но они не выводили наружу. Я спустился до самой нижней площадки, но оказался в тупике. Здесь вообще не было никаких дверей. Непонятно, зачем сюда вела лестница, но рассуждать было некогда; я кинулся обратно, то есть стал подниматься вверх для того, чтобы попытаться счастья – попытаться проникнуть в какую-нибудь из дверей, что попадались мне на пути.

Я поднялся на несколько этажей вверх, но никаких дверей почему-то не встретил. Как-то сделалось не по себе, и я вновь стал спускаться по ступеням вниз. Быстро достиг нижней площадки. Как же нет двери, когда вот она, родимая! Только заколоченная фанерой. Поэтому я ее сразу и не заметил. Понятно. Я стал отрывать эту фанеру. Там было два квадратных листа.

Держались они не очень прочно, и мне удалось, правда и не без усилий, отодрать их, заставляя ржавые гвозди гнусно верещать, когда они выходили наружу.

Но меня ждало разочарование. За фанерой скрывалась железная решетка. Я в досаде потряс ее, как отчаявшийся заключенный после неудавшегося побега. С обратной стороны висел замок. До него можно было легко дотянуться, просунув руку между железных прутьев решетки. Я проверил, заперт ли он на ключ. Оказалось, что заперт и очень давно, судя по густому слою ржавчины на нем. Решетка держалась прочно. Я пару раз ударил по ней плечом, но тем самым никаких слабых мест в этом препятствии не выявил. Да, я конечно же, был слаб. Неизвестно сколько времени я пролежал в бессознательном состоянии, и сколько транквилизаторов мне вкололи. Я почти ничего не чувствовал когда бился в решетку. Координация движений тоже была порядком нарушена, не говоря уже о памяти, которая вовсе не желала выполнять свои повседневные функции, напоминать мне в каждый момент времени: кто я, откуда, и вообще, для чего я существую.

Об этом я думал, когда поднимался вверх по лестнице. Приходилось искать выход в другом месте. Придется поплутать по лабиринту темных коридоров на каком-нибудь из этажей, а лучше на том, где поспокойнее. И темнота мне на руку. Время, видимо, к ночи, а освещение в коридорах экономят, свет не включают. Да и ламп наверное нет. Я поднялся на два этажа, но пока почему-то не встретил выхода с лестничной клетки на этаж. Удивиться этому факту не успел, потому что мне вдруг захотелось вернуться вниз к решетке и попробовать все же открыть замок.

Я ничего о себе не помнил, но ситуация с замком что-то мне смутно подсказывала. Что-то тянуло меня к этому замку. Пришлось вернуться обратно. Решетка была передо мной. Там за ней, в глубине пространства, пробивался слабенький свет, позволявший надеяться на наличие спасительного выхода. Я обрадовался решетке, как родной. Все это было мне как буд-то знакомо, что-то медленно и неохотно всплывало из мутной памяти, как труп в весенней воде. Я стал ощупывать замок и нашел на его поверхности нечто такое, что при первом с ним знакомстве не привлекло моего внимания. И хотя отличие замка, который был исследуем мною в данный момент времени, от того, первоначального его варианта, было значительным, я не придавал этому значения. Не могли же поменять замок за те две – три минуты минуты, пока я отсутствовал. Мое внимание было полностью поглощено другим обстоятельством. И обстоятельство это касалось исключительно состояния моего сознания.

У меня в голове будто что-то засветилось. Какой-то, глубоко посаженный источник света. Но свет этот мог так же освещать и преображать все близлежащее ко мне пространство. Решетку я различал хорошо. Руки свои видел невероятно отчетливо. Непонятно было что делать с ощущением странной эйфории, которая вдруг, зародившись чуть выше солнечного сплетения, поднялось сгустком нежного тепла до уровня сердца, согрело его и стало постепенно заливать все мое тело. Вслед за этим вдруг пришло полнейшее осознание, что я знаю, как открыть этот замок. Мысли тут и вовсе отключились, зато включилась какая-то особая, будто бы автономная память рук. Моя правая рука нащупала на замке какие-то кнопки, какие-то металлические бегунки, видимо с нанесенными цифрами кода. Рука стала что-то нажимать, крутить, дергать когда надо за ручку замка и проделывать разные другие манипуляции с быстротой, уже мною никак не осознаваемой. Предчувствие удачи нарастало. И вот что-то щелкнуло в металлической утробе замка; ручка его подалась и освободилась из капкана внутреннего секретного механизма. Я с легкостью сорвал замок, который уже не был препятствием на пути к свободе. Теперь можно было рассматривать одну из версий, кем я был в прошлой, до потери памяти, жизни. Как минимум, профессионалом по несанкционированному проникновению в закрытые помещения. Решетка тоже открылась со скрипом в своих давно не смазываемых петлях. Я бросился к свету. Но и здесь выхода во двор клиники не было.

Была дверь в темный коридор, неизвестно куда ведущий. Дверь открылась почти запросто. За ней лежал какой-то хлам. Я двинулся вперед по этому коридору, в котором действительно было светлее. Метров через двадцать меня ждал поворот влево. Там было еще светлей, и был вход в еще один лестничный пролет. Я направился туда. Ступени лестницы были освещены слабым светом, падающим в маленькое, тоже зарешоченное оконце, но расположенное довольно высоко. Добраться до него не представлялось возможным, и, все еще согреваемый радостью от своего неожиданного успеха в деле устранения замка, я отправился по ступеням вверх. Действительно, было большой удачей, что я смог открыть замок без ключа и без железного лома, без всякого инструмента, благодаря внезапной и неудержимой вспышке сильного желания спастись, обрести свободу, и вернуться к нормальной, привычной жизни. Хотя и не память ко мне возвращалась, но зато какие-то очень полезные навыки, что уже вселяло надежду вернуть и все остальные обломки моей личности, которая, судя по всему, потерпела какое-то серьезное крушение.

глава 7

Я долго еще бродил по темным коридорам, как по рукавам лабиринта, много раз поднимался и опускался по ступеням лестничных пролетов, но выход во двор не обнаружил. Тогда я решил искать встречу с людьми, с кем-нибудь из неопасной для меня части персонала или с бедолагами, подобными мне. Во время своих блужданий по коридорам клиники я заметил, что стало совсем уж пустовато, безлюдно как-то для такого большого учреждения. Никто мне не встретился. Видно была уже ночь, и все отправились на покой, включая персонал; и если даже меня поначалу искали, то теперь наверняка махнули рукой. Смирились с тем, что я самовольно покинул эти гостеприимные стены. Одной проблемой меньше. Экономия лекарств и провианта. Но мне теперь хотелось хоть кого-нибудь увидеть, встретить живую душу. И не только для того, чтобы узнать, где выход, но узнать все, что возможно об этом учреждении, а может быть и выведать что-то и о себе самом.

Я уже не понимал на каком именно этаже, но вдруг заметил узкую полоску света на полу. Дверь была приоткрыта. Слышался гул голосов. Я тихо подкрался ближе и стал заглядывать в слегка приоткрытую дверь. За дверью оказалась решетка. Комната смутно освещалась единственной лампой дневного света, висящей в центре, не очень высоко, до нее можно было легко дотянуться, хотя у обитателей этой комнаты подобные желания возникнуть вряд ли могли. Странная была эта лампа, представляющая из себя вытянутый вертикально цилиндр из белого стекла размером с двухлитровую банку, заключенный в защитную решетку, покрытую черной паутиной, и не светящая, а только призрачно мерцающая в вязком тиюиндиговом полумраке; но люди, находящиеся здесь, казались еще более странными. В палате – а это была несомненно палата – стояли в два ряда железные кровати, количеством около десяти, с оттянутыми вниз и похожими на гамаки металлическими сетками, на которых копошились и что-то тихо лепетали существа в таких же полосатых халатах. Я побольше приоткрыл дверь, которая надрывно заскрипела, и они тотчас затихли. Некоторое время молча смотрели на меня, и я тоже рассматривал их лица. Самое жуткое, что бывает во внешности человека, это радостная улыбка при отсутствии всякой осмысленности в глазах, и глубокая печать дегенеративности в чертах лица. Такие лица были сейчас обращены ко мне. Контраст любопытства и полнейшей неспособности осмыслить результаты онога, поражал в этих лицах, но в тоже время гипнотически притягивал. Я глядел на них, затаив дыхание, а существа эти, один за одним, стали вставать со своих мест и медленно тянуться ко мне, неслышно и бессильно волоча по полу свои свинцовые ноги. Один из них подошел ко мне так близко, что мне пришлось несколько отпрянуть от решетки на безопасное расстояние. Дегенерат ухватился одной рукой за решетку, а другую просунул между железных прутьев в намерении ощупать мое лицо. Он жутко и счастливо улыбался, сильно наморщив лоб. Из серых мутных глаз, в которых зрачки почти расплавились, потекла слеза. Не понятно было, зрячий ли он. Но контакта хотел, контакта! Судорожно шевелил корявой своей кистью прямо у моего лица. Еще двое подтянулись и выглядывали у него из за спины, тоже улыбаясь жалкой и, в то же время, зловещей улыбкой разрушителей всех игрушек и механизмов, как искусственных, так и одухотворенных милостью божией, коей я оказался лишен, раз оказался здесь.

С другой стороны, я конечно же благодарил высшие силы за свою свободу, хотя и весьма относительную, и за то, что разум мой сохранен почти без потерь. Почти, потому что я не мог вспомнить ничего из прошлой своей жизни, а для чего-то помнил многие эпизоды сновидений с испытательными полетами. Только на опыт своего существования там я мог теперь опереться.

В данный момент было ясно одно: ждать каких-то внятных объяснений по поводу всего здесь происходящего от этих помещенных за решетку душевнобольных, разум которых светил менее интенсивно, чем лампа в их палате-камере, не было никакого смысла. Почти погасший

их разум не то, чтобы слабо светил, он тускло чадил, как отсыревший фитиль допотопной керосиновой лампы. Подобная участь могла ожидать и меня. Необходимо было мобилизовать волю и действовать более решительно.

Рассуждать долго не пришлось, потому что в темной глубине коридора послышались шаги. Я прильнул к стене и так, прижавшись к ней стал продвигаться в противоположную сторону. Но мне не удалось бы ускользнуть незаметным, если бы на пути не попала пустая ниша в стене, в которую я тотчас неслышно нырнул и затаился, как мышь в норе. Мимо прошел человек в сером халате и колпаке – санитар. Перед собой он катил кушетку на колесиках с очередным грузом – неподвижным телом, накрытым простыней. Следом шел еще один санитар, который нес в руках небольшой узел с какими-то вещами. Они пребрисывались изредка короткими фразами на ходу.

Это был шанс выбраться отсюда. Я направился за ними по пятам на расстоянии метров двадцати, тихо, как призрак. Они наверняка должны были привести меня к выходу.

Процессия шла лабиринтом коридоров, по сложности своей не уступающей кубику рубику, быстро и безошибочно собрать который можно было только четко усвоив алгоритм действий. Санитары шли уверенно, по давно заученному пути. Мне оставалось только удивляться совершенно бессмысленной сложности архитектуры этого гиблого сооружения. Несколько раз пришлось сначала спускаться на один – два пролета вниз по какой-нибудь лестнице, потом блуждать по закоулкам на этаже, и снова спускаться вниз. Два раза они останавливались, чтобы перекурить, а я таился в темноте, затаив дыхание и слушал стук своего сердца, который заглушал голоса санитаров, которые о чем-то тихо преговаривались.

Наконец прибыли до места: очередной и последний спуск по лестнице привел нас в помещение сырое и неоштукатуренное – голый бетон кругом – вероятно это был уже подвал. Это не соответствовало моему плану – вывести путь к выходу наружу. Было ясно, что на кушетке лежал труп, и большая железная дверь, в которую уже ногой бесцеремонно стучал один из санитаров, вела в местный морг.

Я начал пятиться назад к лестнице, что вела обратно наверх, но меня остановил шум на лестнице на расстоянии двух пролетов. Характер доносящихся звуков был таков, что я определил по ним, что сюда, вниз к моргу, спускают еще одну кушетку, а может и две. Я оказался в ловушке.

В это время большая железная дверь открылась после гулко прогремевшего за ней тяжелого засова, отодвинутого прочь. Санитары двинули кушетку-катафалк внутрь, и скрылись во мраке большого помещения, не закрыв за собою двери. За моей спиной все громче звучали шаги и я, повинаясь скорее инстинктивному движению, нежели осознанному выбору, отправился вслед за санитарями.

глава 8

Я вошел в огромное помещение, напоминавшее заводской цех. Путь был один: вперед вдоль расположенных слева и справа от меня движущихся линий какого-то адского производства. Слева конвейерная линия двигалась медленно навстречу мне, поворачивала налево, и уходила вглубь пространства. Расстояние до этой движущейся ленты было метра три-четыре и было плохо видно какие именно компоненты этого загробного производства транспортируются на конвейере. Освещение здесь было слабоватое для нормального современного производства. Для морга конечно в самый раз. Я приблизился к этой ленте, сам продолжая идти вперед, почти не сбавляя хода, поскольку за мной шли, и не было большой надежды на то, что намерения их в отношении меня окажутся очень уж благодушными. Легкий холодок гулял по спине и заставлял меня быстрее двигаться вперед. Но желание разглядеть поближе то, что переправляется на конвейере было непреодолимым. Я приблизился настолько, что смог удовлетворить свое весьма неуместное в данной ситуации любопытство и так, что дальше предпочел двигаться уже не глядя по сторонам. На ленте конвейера навстречу мне плыли части человеческих тел, причем освежаванных и нещадно препарированных. Я хорошо разглядел распоротую грудную клетку и следующую за ней голову с открытыми глазами, которая лежала на боку и спокойно смотрела, как казалось, прямо на меня. Вот тут-то я и отвел взгляд. Я пошел быстрее, глядя себе под ноги, и только косвенным взглядом, боковым зрением контролировал происходящее вокруг. Справа тоже двигалась лента конвейера и тоже перемещала по цеху какие то объекты, но я не мог их разглядеть, хотя улавливалось, что многие из них гораздо больше человеческого тела. Туши животных? Но я уже был готов оставить эту тайну неразгаданной, и единственное, что меня интересовало, это возможность своего собственного спасения.

Впереди что-то стрекотало, стучало и лязгало, работал какой-то большой станок, который громадной тенью возвышался на моем пути. Станок не был похож на современный, а представлял собою скорее несусветную пародию на архаичность в механике. Это был сложный и примитивный механизм, напоминающий часовой, но вскрытый, как под скальпелем. Разного рода приводы, шестеренные передачи, рычаги, прочая начинка препарированной полости механизма – жила своей жизнью: двигалась, лязгала и скрежетала. Справа и слева стояли два больших колеса, пока неподвижные, но вот вот готовые двинуться и придать работе всего нелепого механизма осмысленный вектор. На высоте около двух метров от пола была полочка, на которой было установлено нечто, напоминающее электрический стул. Кто то отключил двигатель и безобразный, как внутренности гигантского паука механизм замер. Двое санитаров (если это санитары) усаживали на этот стул тело человека. Оно плохо поддавалось их действиям, совершая странные неуклюжие выверты то ногой, то рукой. Лицо неподвижно и бессмысленно смотрело на меня. Я понял, что это труп. Наконец его усадили и закрепили в вертикальном положении, привинтив запястья разведенных в стороны рук к неподвижной части механизма. Что-то присоединяли за его спиной, прилаживали. Наконец, спрыгнули вниз, закурили и скрылись за станком, который напоминал теперь некий дикий трон, в безумии своего величия превышающий любое больное воображение зашедших далеко средневековых и, вообще, любых прочих маньяков инквизиторов. Фигура, восседающая на адском троне, вообще не оставляла воображению никаких укромных уголков для успокоения. Труп, приоткрыв немного черную щель рта, смотрел упорно на меня раскрытыми глазами и пронзал душу навек своей бессмысленностью и сосредоточенностью.

Я не мог и пошевелиться, тело наливалось холодом, тоже, будто коченело, а воля слабела почти до немощи парализованного. Но там, с другой стороны станка врубили мотор и с равно-

мерным омерзительным гудением большие колеса медленно стали вращаться. Восседающий в кресле затрепетал, весь затрясся как на вибропанели.

Я не помнил, что такое вибропанель, но это слово закрутилось почему-то у меня в голове. «Как на вибропанели». А еще в голове словно разряд электрический дернул, засветилась вывеска: «Жилы тянут».

Как загипнотизированному мне непреодолимо хотелось смотреть на все это, погружаясь в леденящий холод и взгляда не отрывать, но какая-то теплая волна из души вдруг меня отогрела в один миг. Внутренний, неслышимый приказ заставил двинуться на ватных ногах в сторону работающей как прежде конвейерной линии, той что справа. Оказавшись совсем близко я увидел, что предметы, которые перемещаются на ленте этого конвейера более чем странные. Это были вовсе даже и не компоненты этого загробного производства а ... – я наверное уже начал сходить с ума – музыкальные инструменты. В основном это были барабаны разных размеров и конфигураций, а так же бубны и цимбалы. Изготовлены они были, как видно, грубым кустарным способом. Рабочая часть обтянута грубой кожей, явно свежесделанной. Двигались на довольно большом расстоянии одно от другого. Видно фабрика не торопилась завалить своей эксклюзивной продукцией прилавки музыкальных магазинов. Здесь видно качеству отдавали предпочтение, а не количеству.

Лента медленно двигалась. Вот какой-то большой предмет приблизился ко мне. С удивлением я распознал в нем нечто похожее на контрабас. Сделан он был грубо. Весь обшит кусками кожи. Много мелких элементов, колки, например, удерживающие струны, лады на грифе, изготовлены из натуральной, по видимому кости. И кость эта была вряд ли слоновая...

Я оперся руками о край движущейся ленты и лег на нее рядом с контрабасом. Но почему-то оказался на другой его стороне, ближе к противоположному краю ленты. Из памяти стерлись те фрагменты реальности, в которых я перемещался через контрабас. Или опползал его вокруг, чего не помню. Видно я находился на грани потери сознания. Да и чертовы транквилизаторы, наверное, все еще давали о себе знать. Я помнил только, что невероятно хотелось поскорей оказаться за контрабасом, залечь за него, как за надежное укрепление в бою, и чтобы никто меня не смог увидеть. И инстинктивный порыв бросил мое тело, как призрачную тень туда, куда необходимо было, затмив способность разума протоколировать все мелкие фазы действия. Я мышью затаился, остановив дыхание и самое сердце, пока лента конвейера, по пути повернув два раза на девяносто градусов, не унесла меня в глубь адского цеха, в совсем почти неосвещенную его часть. И когда я оказался совсем близко к кирпичной неоштукатуренной стене, то обнаружил, что лента уходит в черный квадратный проем куда-то в неизвестное пространство. Но видимо, я истратил весь свой волевой потенциал на данный момент, поэтому впал в ступор и не мог принять никакого решения. Когда до черного проема в стене оставалось не меньше метра, и я уже смирился с неизбежностью быть поглощенным надвигающимся зевом тьмы и неизвестности, чьи-то сильные руки стащили меня на бетонный пол. Я открыл глаза и увидел перед собой знакомое уже лицо, с приложенным к губам указательным пальцем.

Все пять чувств у меня будто отключились, ничего ни ощущать, ни воспроизводить никаких сигналов в качестве обратной связи я был не в состоянии, и только наблюдатель, который есть в каждом человеке и никогда не дремлет, отстраненно воспринимал происходящее.

На лице моего спасителя была аккуратная невеликая борода с небольшой сединой и, пронзительно успокаивающие, серые глаза. Это был тот самый священник, который занимался вязанием в «зале ожидания». Я не мог рассуждать о том, как он здесь мог оказаться, и именно в этот важный момент, я просто воспринимал все как должное. Священник слегка тряхнул меня, взяв за плечи и движением головы приказал следовать за ним.

Пригнувшись, мы пошли вдоль стены, и скоро попали на лестницу, уводящую вниз. Лестница была в один проем, и упиралась в квадратную площадку со стороны не более трех мет-

ров. Здесь находилась дверь, тоже обшитая лоскутами кожи. Священник толкнул эту дверь ногой, и мы проникли в узкий коридор, который вообще не освещался, и двинулись по нему.

Он – впереди, а я – за ним, стараясь не отставать ни на шаг.

глава 9

Коридор вел себя, как ход лабиринта: поворачивал бесчисленное количество раз. Священник не зажигал ни фонаря, ни лучины какой, ни факела. Он будто видел в темноте, – настолько уверенно шел вперед. Мои глаза постепенно привыкали к темноте, и я начал различать темное пятно фигуры священника. Через некоторое время и стены стали просматриваться. Это был узкий коридорчик с низким потолком. По обеим сторонам прямо под потолком тянулись трубы, с которых во многих местах свисали ключья обмотки, и иногда казалось, что и шевелился кто-то, может быть крысы.

Впереди нас появились тени наших фигур. Они менялись в размерах и трепетали, словно от порывов ветра. Кто-то преследовал нас, и нацелил нам в спины лучи фонарей. Мы прибавили, и почти перешли на бег. Справа попала дверь, и священник открыл ее. Взял меня твердую рукою за шкуру, как напаскудившего кота и потянул к двери. Вытолкнул за дверь и сказал совершенно бесстрастным голосом: «Не жди меня. Отваливай». А сам опять нырнул в черноту обратно и резко захлопнул за собой дверь. Его действия и звучание голоса гипнотизировали, но я продолжал уносить ноги, для чего кинулся на лестницу, которая кстати оказалась здесь, да еще была освещена тусклым светом допотопных ламп, покрытых сначала белыми матовыми колпаками, а поверх и черными кружевами неизбежной паутины.

Преодолев несколько пролетов лестницы и проникнув в первую попавшуюся приоткрытую дверь, я оказался в коридоре клиники, тоже тускло, но все же освещенном. Направился вперед, минуя двери кабинетов или больничных палат. А может быть и камер пыток, и дьявольских лабораторий, во всяком случае, я шел мимо них с внутренней мольбой: только бы не одна из них не открылась. Этого не происходило и я опять привычно блуждал по лабиринту, надеясь, что ситуация как-то сама собой изменится в лучшую сторону.

Я думал о проводнике-священнике. «Кто он такой», – спрашивал я себя, но я не имел душевных ресурсов, чтобы ломать голову над ответом. Кто надо. Тем более, я не знал, ответа на самый фундаментальный вопрос: кто я сам? Моя система памяти пришла в негодность. Материнская плата полетела. Только, непонятно зачем, остались файлы, в которых надежно покоилась информация об «испытательных полетах».

Я стал с удовольствием вспоминать свою волшебную капсулу. Она могла испариться в самый неподходящий момент и оставить меня в свободном парении, созерцающим неповторимые ландшафты сномира, а затем вновь материализоваться в какомнибудь измененном виде. Но самым притягательным был каскад ощущений свободного парения, в котором можно было довольно искусно лавировать в воздушных потоках, менять высоту полета, а так же набирать скорость до тех пределов, которые сам способен перенести. Сладостное чувство настоящей свободы! Вот бы здесь поймать тех возможностей хотя бы малую толику. Хорошо, что я помню об этих снах. Иначе вряд ли я бы смог сохранять остатки разума и самообладания в почти безысходном положении, в которое некая неумолимая сила вколотила меня одним жестоким ударом, каким железный молот вбивает дюбель в бетонную стену по самую шляпку.

Я шел по темному коридору почти уже бесцельно, лишь бы куда-то двигаться. Из самой глубины темного чрева этого адского строения доносились звуки, напоминающие музыкальные. Как будто настраивался симфонический оркестр. Кто-то пробовал на звук смычком струны. Звуки были похожи на виолончельные, хотя возможно, что это был контрабас. Скрипучие и заунывные были эти звуки, но все же узнаваемые. Также доносились отдельные гулкие раскаты барабанных палок с мягкими набалдажниками-глушителями, слегка прогуливающимися по звучным кожаным поверхностям барабанов разных диаметров. Мурашки пробежали у меня по спине: все эти звуки и пугали и манили одновременно. Оказывается и такая жизнь здесь существует? Скорее всего кто-то проверяет на качество звучания те дикие инструменты,

которые я видел в подвале. В одних заведениях психи тапочки шьют, а здесь, видимо, далеко пошли по пути побочной коммерции: целую производственную линию наладили, подключив все ресурсы человеческие, по безотходному методу, как на живодерне. Очень весело.

Я шел навстречу звукам. Пространство, будто повинуюсь моему сильному желанию его преодолеть, вдруг сформировалось таким удобным образом, что долго по коридорам мне блуждать не пришлось. Передо мной возник вход в некий холл, который был проходным, более менее освещен, и вел он как раз туда, где звучала музыка, вернее звучал настраивающийся оркестр. Звуки были все отчетливее и громче. Осталось миновать только этот холл, вход в который даже никакая дверь не преграждала, только вывеска висела, грубо, сугубо одной лишь черной краской начертанная, видимо, плакатными перьями. Надпись гласила не более не менее как: «Галерея искусств».

Ну что ж, выходит, что экскурсия продолжается.

Я пошел через эту галерею навстречу звукам неведомого оркестра. На стенах «галереи искусств» висели картины от которых сразу же обдало волной странной, непривычной энергии, не просто мрачной, но совсем какой-то чуждой, самозатворенной, будто бы авторы и не помышляли найти понимание у зрителя, более того, последний повидимому и не предполагался. Сгустки душевной муки и затхлой безысходности, превращенные в больные, искаженные образы, с использованием немислимых сочетаний цвета и линий, так и вопиели со стен! Даже пейзажи не оставляли уголка для живой, откликающейся души. Душа здесь уже и не молила о выходе, об исходе и спасении. Она молча, безлико и безответно блуждала в лабиринте навязчивых и непроницаемых иллюзий, в свинцовом тумане гибели и безотрадности. Порой и безобразное пленяет, но эти картины вызывали только содрогание душевное, и отвращение из за полнейшего отсутствия каких бы-то ни было точек соприкосновения с неизлечимо больным духом породившим сие.

Я смотрел на картины. Я их разглядывал, хотя и старался глубоко в них не погружаться.

Справа на стене меня поразил пейзаж, выполненный акварелью, небольшого размера, очень простой по композиции. Покосившийся деревянный ветхий домишко сиротливо пригнулся в ненастную погоду под деревом, почерневшим от дождей, согбенном, скрюченным и уже полностью лишенном листьев. На ветке сидела ворона, сжавшаяся в комок, ошетилившаяся перьями в ответ на порывы промозглого ветра и уколы ледяного ноябрьского дождя, но не куда не спешащая улететь, будто мир закончился и приюта не сыскать нигде: ни в небе не на земле.

Домишко – совсем потерянный, и тяжело придавленный безжалостным космосом. Может быть тело его обитателя еще лежало на старом диване под пледом, но душа уже испытала свободу полета, и поднялась над домишком, над деревом и над вороной. Душа кружила вокруг и даже пролетала прямо над трубой, сковозь дым, разрываемый в клочки злым ветром, но не чуяла ни гари, ни едкого дыма, ни ранящего дождя. Душа не знала, возвращаться ли ей под плед к брошенному телу, либо продолжить свое существование в блужданиях и приключениях свободного полета...

Эта картина отличалась от других, и позволила мне на время согласиться с возможностью существования остальных, и даже бегло осмотреть их. Заполнилась еще картина, вернее черно-белый рисунок, на котором изображены были люди, разгуливающие парами; головы у них были отрезаны и лежали на детских колясках, которые эти пары чинно катили перед собой. Это было напрочь больное, но все же остроумие. Так я тогда подумал и сам ужаснулся своим мыслям. Я сплюнул и выругал себя за то, что стал разглядывать этот рисунок. Дальше шли все сплошь картины подобного содержания.

Одна картина сильно привлекла мое внимание и я остановился перед ней, чтобы повнимательнее ее рассмотреть. Что-то знакомое для меня было в этом изображении. Я не сразу понял, что неизвестный и несомненно душевнобольной художник запечатлел какую-то древ-

нюю пытку. Человек был спиной прикреплен к какому то странному станку. Два больших колеса справа и слева сообщали, повидимому, импульс всему механизму. Колеса крутили два человека облаченных в странные халаты, опоясанные широкими ремнями, бритые наголо, и с лицами, выражение которых трудно было прочесть; непонятные, неизвестные для нормального человека чувства и мысли были отражены на них. Я разглядывал подробности этой картины, которые были приведены художником с маниакальной дотошностью, и уже не сомневался, что передо мной изображение древней пытки, заключающейся в вытягивании жил.

Именно этот процесс я наблюдал в помещении морга. Я не мог оторвать взгляд от картины и чувствовал, что тело мое замерло и наливаясь тяжестью окаменения. В то же самое время, боковым зрением, я видел, что несколько впереди по этой же стене, к одной из картин подошел какой-то человек, остановился и молча стал разглядывать картину. И продолжалось так минуты две, пока я не пришел в себя. Я стал рассматривать этого человека. Это был тот монах, или кто он там на самом деле. Волосы его были заплетены в косу, достающую до пояса. Но одет он был не в рясу, а скорее в черный халат, напоминающий в кимоно. Руки он сложил на груди. Я мог наконец разглядеть, что он был высок, поболее метра восьмидесяти, и сложен ладно: крепко и атлетически. От всей его фигуры, при всем при этом, веяло невероятным спокойствием; я даже стал слышать биение своего сердца, настолько неуравновешенным было мое состояние, если соизмерять по контрасту.

Я направился к нему, ибо он тянул к себе как магнит. Он даже не посмотрел на меня, как бы приглашая вместе с ним смотреть на картину. Я стал рядом с ним. Картина была сравнительно большого размера, примерно восемьдесят сантиметров в высоту и метр в длину. Это был ландшафт в духе голландского возрождения. В центре композиции возвышалась башня, напоминающая башни с картин Брейгеля старшего. Полуразрушенную вавилонскую башню.

Башня стояла на холме, возвышаясь над городом, на этом холме и у подножия его расположенном, а далее простирался океан. Над входом в башню была надпись: «Аттракцион Сикки». Я вспомнил надпись на корешке книги, которую я видел в реамационной. Монах посмотрел на меня взглядом, в котором едва замечалась усмешка и вопрос: ты все понял? Кивком головы он дал понять, что пора двигаться дальше в направлении звучащего оркестра. Заунывный скрежет настраиваемых инструментов сопровождал просмотр безумных картин и точно соответствовал их содержанию.

Монах направился к выходу из «галереи искусств», до которого оставалось уже не более пяти метров. Я последовал за ним. Оставшиеся картины уже не привлекали внимания, как будто целью нашей экскурсии было единственно ознакомление с изображением «Аттракциона Сикки».

Монах приоткрыл дверь, слегка отстранившись, словно намереваясь позволить свободно проявиться всему тайному, что дверь могла скрывать. Но за дверью никого не было, лишь плотный сгусток звуков ворвался в холл. Я вспомнил, как в детстве в первый раз пришел в оперный театр, и почувствовал приятный озноб от звуков настраивающегося оркестра.

Это был хороший знак – память вновь подавала сигналы. Я уже знал о себе кое-что. Знал, что в прошлой жизни я разбирался в музыкальных инструментах, и был прекрасно осведомлен о творчестве художника Питера Брейгеля старшего.

глава 10

Монах жестом призвал меня следовать за ним, и мы вошли на балкон концертного зала. На балконе никого не было. Мы расположились на стульях с потертой красной обивкой, и получили хороший обзор зала. Пара софитов сверху освещали только авансцену, зал был погружен в полумрак. Мы были в контражуре и снизу невидимы. Однако людей в первых трех рядах видно было достаточно хорошо. Все внимание сразу было притянато странным оркестром на сцене. Хотя, судя по количественному составу – всего двенадцать человек, – это был скорее ансамбль. Однако, по интенсивности звучания оркестру он не уступал.

Музыканты ансамбля сидели на стульях, расположенных в одну линию, согнутую полукругом. Это были примечательного вида господа. Фраков на них не было, а по серым стандартным халатам определялась их принадлежность к контингенту пациентов (или же заключенных) данного учреждения. На мне был точно такой же халат. Даже не вглядываясь в их лица можно было уловить общую для всех ауру погруженности в процесс, степень которой намного превосходила в подобных случаях необходимую. Каждый из них производил впечатление как минимум безнадежного аутиста, и присутствие его тела здесь и сейчас на этой сцене выглядело до безобразия нелепым, механистичным и лишенным всяческих признаков присутствия души, поскольку душа слишком далеко в своих спасительных мирах находилась и с окружающими обстоятельствами ни в какое соприкосновение не входила. Умалишенные и бездушные биороботы двигались дико, неуклюже, иногда порывисто и судорожно, как восставшие из ада зомби и те мертвые мученики, распятые на адском агрегате по вытягиванию жил. Но в данном случае жилы вытягивались из тех, кто слушал ту потустороннюю кабафонию, которая возникала в результате игры этого зомби ансамбля. Такое не под силу воспроизвести ни одному фри джаз бэнду (вот что еще я оказывается знаю!) Как бы он ни старался. И это было только начало. Всего лишь настройка. Вскоре ансамбль утих, готовясь видимо начать уже самое произведение. Один музыкант, отняв смычок от струн своей уродливой виолончели, вдруг бросил прямо на меня, сверкнувший в лучах софитов, свой невыносимый взгляд безумной лошади, и широко улыбнулся лошадиной же улыбкой. Возвращались в реальность и другие участники ансамбля. Некоторые из них тоже заулыбались в отталкивающей наивности безумия. Это были разные существа, оприходованные грубой печатью диффективной индивидуальности, хотя и в чем-то неуловимо схожие, как дауны. (Тут в моей памяти на мгновение вспыхнул и тихо погас образ одного действительно дауна, играющего на маракасах в оркестре на летней танцплощадке. Его наивные услуги использовались, видимо, для утешения публики, и в порыве преодолеть скуку однообразия программы, исполняемой годами и почти без изменений. И я решительно не знаю, какую пользу можно извлечь из этой отрывки покалеченной памяти, но пока, так в скобках, и оставляю впрок, на всякий случай. Вдруг потом придется составлять из осколков целостную картину прошлого.)

Мое внимание привлекали так же те, кто находился в первых трех рядах. Все места здесь были заняты. Во всем зале большинство мест было свободно. Зрители присутствовали в небольшом количестве и были неравномерно рассыпаны по всему залу. Зал почти не освещался, и разглядеть всех присутствующих на странном концерте было сложно. Зато первые ряды, хоть и косвенно, но все же освещались. Постепенно мое зрение адаптировалось, и я мог изучать находящихся там людей. Они не были похожи на пациентов клиники. Светский лоск этих любителей музыки напоминал свечение ауры благополучия посетителей виллы престижного столичного театра. Когда на сцене все затихло, в первых рядах началось оживление, бурное обсуждение, смех. Точно в разгаре бомонд фуршета. Как будто в подтверждение этого, перед сценой появились два официанта во фраках и со столиками на колесиках, плотно уставленных, по всей видимости, изысканными яствами. Я живо представил изящные бутер-

броды с икрой, бутерброды с разными видами ценной рыбы и прочие варианты. Кроме бутербродов были фрукты, а так же бокалы для вина и коньяка. Официанты стали раскладывать все это на маленькие подносы и преподносить зрителям. Это был перекус перед основным действием. Общение становилось все раскованнее и слышались уже тут и там небольшие разрывы смеха. Некоторые встали со своих мест и выходили ближе к столикам чтобы сподручнее было общаться, пить вино и вкушать яств. Вскоре подкатил еще один столик с двумя бочонками вина, управляемым третьим официантом во фраке. К нему сразу подошли трое мужчин уже с опустошенными бокалами и оживленно беседующие. Официант стал наполнять их бокалы и повернулся ко мне лицом, удачно попав в ответ софита, и я увидел счастливую и подобострастную улыбку идиота. Несомненно это был отдресированный пациент клиники. Я пригляделся к двум другим. Фраки на них сидели нелепо и были похожи на театральные костюмы. Конечно это был маскарад. И массовка в зале была из психов. Это было понятно. Но вот гости, по всей видимости, были настоящие. Один из гостей, проявляющий особенную активность, поднялся на сцену с бокалом в руках, продолжая время от времени отхлебывать вино. Он был лысоват, ростом невысок, но в стильном костюме. Ворот ослепительной белой сорочки был растегнут, а галстук сильно приспущен. Он подошел к одной из микрофонных стоек, которых было выставлено на сцене целых четыре – по одной на тройку музыкантов-давась от сдерживаемого смеха. В зале многие хохотали и что-то выкрикивали подбадривающее. Кто-то даже присвистнул. Нестройно заоплакивали.

– Я не мог не подняться на эту священную сцену! – начал самозванный оратор. На слово «священную» зал отреагировал аплодисментами и ленивым свистом, – у нас сегодня, господа, день особый, сегодня юбилеем не только нашего величайшего проекта, но юбилей и у нашего радушного хозяина, который предоставил это достопочтенное учреждение (в зале опять гогот и аплодисменты) для осуществление нашей исторической миссии, которая заключается в окончательном переформатировании...

– Оооо! – застонал от удовольствия зал и громко заоплодировал.

– Переформатировании, – продолжал оратор, – всего доселе спонтанного и вредоносного процесса ... – тут он стал подбирать словцо-музицирования! Музицирования! (в зале глумливо хохотали) Эту часть рефлекторного существования гомосапиенса мы, наконец приводим в полное соответствие с имеющимися священными инструкциями!

На этих словах в зале сначала засвистели, а затем кто-то из присутствующих встал и начал довольно сильным голосом петь какой-то гимн, при этом призывно и по дирижерски размахивая руками. Многие подхватили гимн и тоже встали. Станный был этот гимн. Я не мог определить, даже приблизительно, на каком языке он исполнялся. Однако оратор на сцене замахал руками, призывая остановить исполнение гимна. Не время. А я видел в нем тяготение контролировать все происходящее до мелочей. Он хотел, чтобы праздник происходил строго по его алгоритму. Или повинуйсь его импровизации.

– Я хочу призвать на эту сцену – он так и сказал «призвать», а не вызвать – нашего юбиляра, нашего радушного хозяина, который столько полезного совершил для нашего поистине исторического проекта! – продолжал верещать в микрофон оратор и, по всей видимости, главный распорядитель на этом мероприятии. Я теперь с резкой отчетливостью воспринимал тембр его голоса как мерзко скрипучий. Иэтим мерзким голосом распорядитель некоторое время вещал о заслугах хозяина дома сего (Главный врач клиники? Спонсор?). Во время своей речи распорядитель доглотал вино и небрежно-агрессивно швырнул пустой бокал в одного из официантов. Тот попытался поймать этот бокал, и почти получилось, но все же выронил, раза три пытаюсь перехватить его на лету во время дальнейшего падения. Один раз даже подыграл себе коленкой. Но бокал все же ударился о деревянный пол, хотя и не разбился, а покатился. Официант кинулся за ним, чтобы схватить его до того момента, когда он прекратит вращательное движение, и какое-либо вообще. Главное схватить его в руки хотя бы и в самой последней фазе

процесса: от хозяина к рабу. Но распорядитель и не покосился в сторону этого танца подобию страстия. Он уже встречал у микрофона высокого и располневшего человека с седой головой, но так и расточающего вокруг светящуюся ауру здоровья и благополучия. Тот стал что-то говорить. Я не вслушивался в его речь. Меня занимали другие детали происходящего. Я посмотрел на моего спутника. Мой священник, который все больше и больше напоминал мне сэнсея восточных единоборств, с выражением хладнокровия и безучастия смотрел в зал. Там на сцену поднимались еще какие-то люди, и говорили дежурные речи. Чаще всего звучала фраза «священные инструкции». Если резюмировать услышанное, а еще лучше сказать, «понятое», ибо многое в прозвучавших со сцены речах было непонятно, то получится примерно следующее.

«Человечество прошло долгий путь по пути прогресса и просвещения. За это время удалось обуздать дикую и опасную стихию, которая всегда угрожала нарушить Большой Священный План своей непредсказуемостью. Теперь музыка наконец станет такой, что при ее помощи можно будет легко добиться тех великих целей, которые прописаны в Священной Инструкции. И это есть тот самый величайший исторический момент, который собравшимся здесь посчастливилось отметить и отпраздновать»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.